

БОЙ С ТЕНЬЮ

Алексей Игоревич Остудин родился в Казани в 1962 году. Учился в Казанском государственном университете, на Высших литературных курсах при Литературном институте им. А.М. Горького. Публиковался в журналах «Новый мир», «Октябрь», «Смена», «Урал», альманахах «День поэзии», «День и Ночь», «Истоки», газетах «Литературная газета», «Литературная Россия» и т.д. Автор восьми книг стихотворений. Лауреат литературных премий им. М. Горького (2007), Волошинской премии «Лучшая книга года» (2012), областной литературной премии имени С.Т. Аксакова (2020) и др. Организатор трёх форумов современной поэзии, соучредитель фестивалей им. Н. Лобачевского и В. Хлебникова. Живёт в Казани.

НА ВЕЛОСИПЕДЕ

Блестящий руль травой протру,
передний обод чуть люфтует.
В лесу сосновом поутру
ленивый ветер в ус не дует.

Весь мир — за здорово живёшь,
педали тикают послушно,
и дёргается правый клёш,
зацапан цепью и надкушен.

Крути, судьба моя, крути,
вилая втулкой по делянке,
лети в мишени паутин
с пустыми мухами в десятке.

Смолы сияние вокруг,
под шиной вздрагивают шишки,
на гриб заносит крест паук —
его замучила одышка.

Мне дятел говорит «да-да»,
кукушка намекает: «Скоро».
Сочится кислая вода
лесного яблока раздора.

Рублём бумажным на просвет
кора сосны, и счёт оплачен.
Неси скорей, велосипед,
к любимой девушке на дачу.

Там-там жених её, сердит,
глядит и говорит противно,
а мне за шиворот летит
сухая хвоя с паутиной.

Но кто твой ангел, выбирай —
пока, застенчивый, к обеду
лечу к тебе в пятнистый май
на крыльях от велосипеда!

МОЙ ГОЛОС

Какие силы сделали меня,
развили мышцы, вытянули
кости?
Расту... Устало пестует родня.
И полон мир любви, добра
и злости!

Во многом полагаясь на весну,
разбрасываю почки между
строчек.
И слово — не на вес, а на весу —
не колокол пока, а колокольчик.

Зато воспитан искренностью он,
а эти искры ночью не задуло.
Имеет основания трезвон,
когда в глазах темно уже
от гула!

И в ноябре гриппую я не зря...
Микстурой закалён,
не полукровка,
теряю шапку в дебрях декабря,
когда в ноздрях мороз,
как газировка!

ОПТИМИСТИЧЕСКОЕ

Дело движется, видно,
к развязке:
посередке страны к фонарю
прислониться нельзя без опаски.
«Вот такие дела» — говорю.

Жду в засаде, в секрете,
в разведке —
надо мной полыхнёт горячо,
и нагая ивовая ветка,
как нагайка, ошпарит плечо.

Что же — в гущу событий
не лезу,
достаётся и так дураку.
Как язык прикипает к железу —
из России удрать не могу.

Только вовремя нужно очнуться,
прочихаться, рассеять наркоз —
в организме моём приживутся
кровеносные плети берёз.

БОЙ С ТЕНЬЮ

Мы с кем-то подрались
до первой крови,
а я плевать хотел на гололёд.
Вон тень моя лежит с разбитой
бровью
и почему-то долго не встаёт.

Мой госпиталь — зима.
Я на закате.
Широкий снег прошёл через
пустырь,
как санитар в распаханном
халате,
по капле проливая нашатырь.

НЕПРОСТАЯ МЕТЕЛЬ

Вызывает меня на дуэль
трель скворца — будто дрель
  через стену.
Створки окон срывает с петель
непростая метель перемены —

там опасно, там лупят под дых
и спускают презрительно
  с горки...

В трудном поиске истин иных
ветер волны листает на Волге.

Только там, где случайности нет,
и не травят покой электрички,
в тёмной хвое осветят мой след
белки, вспыхивая будто спички.

НАД ОЗЕРОМ

Дунула цапля на озере в дудку,
скрипнул сверчок головой
  заводной.
Звезды ещё не погасли,
  как будто
небо забрызгано пастой зубной.

Бич пастуха разорвался
  снарядом —
рядом, за озером — не различить.
В дрожи тумана забредшее
  стадо
лопает клевер и смачно мычит.

Солнце раскрылось ромашкой
  лечебной,
пахотой пышат кусты лебеды.
В воду нырнул я, как прыгнул
  с качелей,
и не почувствовал этой воды.

В августе память, наверно,
  капризней —
прошлое не отпускает ни дня.
Словно живёшь и не чувствуешь
  жизни,
словно вот-вот — и начнётся она.

ЛЮБЛЮ ГРОЗУ

1.

И я с молодых ногтей
  не разобрался,
что дух нетлен, а плоть —
  не на века.
Когда хотел, с подругой
  целовался
и возносился чубом в облака.

Но, разобравшись в этом,
  почему я,
руками разгоняя воронье,
целую утром тучу кучевую
в сухие губы молнии её.

Наверное, заласканный геранью,
устал смотреть, как, выставив
  рога,
страхуются от самовозгорания
ценячих планов блёклые стога.

Поделен мир. И нет угла
  пустого...
Кто путнику заплатит
  за простой?!
Хочу грозы и факела из стога —
да здравствует грядущий
  травостой!

Что из того, что гром случайный
  грохнет —
Уже неделю озеро парит.
Пора дождю... Ну где он,
  этот рохля?
Мне туча ничего не говорит.

Всё стало волноваться
  понарошку:
берёзы карусели завели,
и воробьи просыпанной
  картошкой
зашевелились в палевой пыли.

Инерция фальшивого испуга
  обновленья
заставила меня ходить в плаще —
а это в солнцепёк почти
  искусство —
красиво удавиться на плюще...

2.

С высоких крыш вода летит
  в воронку,
туда, где, как спасательный
  буёк,
всплыла водопроводная колонка,
железной ручкой взяв
  под козырёк.

Торчат зонты из тесного
  подъезда...
Но по асфальту оторопь прошла:
редеет дождь, становятся
  на место
заборы, доски вытянув по швам.

Штатает тополь ветками упруге...
Брыластый кот, забыв
  недавний страх,
лакает небо тёмное из лужи,
где отраженья ходят на руках!

Вода умыла ворох старых
  пиний.
Пожарные машины — на мели.
И в парке, по седло в тумане
  синем,
звонят велосипедные рули.

И тополя, вытягивая выи,
с росой на потресканных губах
шумят. И, как прищепки
  бельевые,
качаются стрижи на проводах.

Вот это да, вот жажда
  обновленья
утолена от зелени — легко.
Избавь меня по щучьему
  вельенью
Ещё от лени — воли молоко.

Пусть волнами идёт могучий
  запах
сырых корней и крашенных
  оград.
А с чердака, теряя перья, залпом
растрёпанные голуби летят!

МОСКВА

Мне 20 лет. Застава Ильича.
Московский отвратительный
  рассвет.
«Спидола» напевает ча-ча-ча,
а у меня такой игрушки нет.

Я соблюдаю вынужденный пост.
Литинститут. Долги.
  Снежинок хруст.
А у Москвы на всё найдется
  ГОСТ,
Как будто создавал её
  Прокруст.

В носках дырявых прячешься
в гостях
за кресло, за диванчик —
запало
иметь избыток кальция
в костях,
а воспарить, как будто НЛО.

Когда же все расселись
по местам,
Я понял, осенив себя крестом,
Что я — щенок дворовый без
хвоста.
И не жалею, в общем-то, о том.

РОДИНА

Ещё не вызрела вражда,
но вдруг подведены итоги:
накинув капюшон дождя,
застыла осень на пороге.
Вечерней сырости бушлат
её почти изъял из яви.
Она сказала, что ушла,
но мы останемся друзьями.
Она нарочно была в цель,
в твоё сознание бульдога —
в прыжке раздавит шею цепь,
и зубы щёлкнут у порога.
Другой герой в её строю,
иное наполненье в венах.
Ну как же Родину свою
я покараю за измену?

ПЕРЕД ВОЙНОЙ

На этом пустыре, наверно,
так, как с протянутой руки,
надкрылья распускала верба —
её мохнатые жуки.

И, перече́ркивая вечер,
пока не кончился завод,
железным журавлём над речкой
бурлил военный самолёт.

В карьере пахло мокрой глиной.
Казалось, это навсегда —
закат, болеющий ангиной,
в кустах — стеклянная вода.

Где товарняк гремит железом,
распугивая чёрных птиц,
один в друзьях у переезда —
шлагбаум, падающий ниц.

И за спиной велосипеда
у поселкового мальчика
шершавая верёвка следа
разматывалась от крыльца.

ПЕРПЕТУУМ МОБИЛЕ

Спотыкаясь на стыках, трамвай
дребезжит,
пассажиров невеселы лица.
У тебя на ресницах снежинка
лежит
и растаять от счастья боится.

Пробираюсь с трудом мимо
шапок и лыж.
В окнах столько овалов
надышано.
Ты одна, моя радость, бровями
паришь
и зрачками мерцаешь
возвышенно.

В этой жизни облыжной покой
твоих глаз
принимаю, как премию Нобеля.

Шестерёнки снежинок вращает
для нас
снегопада перпетуум мобиле.

УРОК НЕЖНОСТИ

Я думал так: вот груша спелая,
счастливей нет меня ребёнка,
когда всё было чёрно-белое
на однобокой киноплёнке.
Меня тогда манила чем-то
поляна за соседской дачей —
а там, в спортлагере, студенты
под вечер шнуровали мячик.
Великовозрастные мальчики,
волейболисты, дули пиво,
покамест бегал я за мячиком,
упавшим в заросли крапивы.
И, загорелые, как дервиши,
бутылки с вывертом бросали —
им аплодировали девушки
с распущенными волосами.
Меня почти не замечали,
но было, в общем, всё в порядке —
какую свежесть излучали
они, транзистор у палатки.
Но самая одна, красивая,
на той площадке волейбольной,
поймала за руку, спросила:
мальш, тебе не очень больно?
Приблизила глаза зелёные,
ладонь лизнула осторожненько,
и волдыри, слюной краплёные,
забинтовала подорожником.
...Что знают выросшие дети —
зашило в память поределую.
Она одна осталась в цвете,
всё остальное — чёрно-белое.

ЖЕНЕ

Снег первобытный магмой
бронзовеет,
грядущий день готовится
на взлёт.
Не повезло с Везувием Помпее,
да и тебе со мною не везёт.

Подряд курю — чай в ночи
гоняю,
проветриваю кухню в мороз.
В цветочные горшки твои
роняю,
ошпарив пальцы, пепел
с папирос.

Помазанник на трон царя
Гороха,
чихнёшь — он бубенцами
зазвенит.
В моей груди прошедшая эпоха
гуляет, как хронический
бронхит.

Распластанный на крыльях
птицы-тройки,
в какой момент зевнул я,
со смешком —
всех деревянных кукол
перестройки
осыпал враг волшебным
порошком.

Доколе нам теперь, терзаясь
прошлым
неизлечимым, хоть огнём гори,
обратный путь искать
по хлебным крошкам,
которые склевали снегири?

ПАМЯТЬ

Когда последний порох
отсырел —
Что толку неудачи брать
на мушку:
навалом их, их в самый раз —
из пушки.
Не этот подростковый самострел.
В моём вине остыл гемоглобин.
Сердечной смуты в этом есть
вина ли?
Я знаю, что в финале съем один
швейцарский сыр своих
воспоминаний.

